

ДК 32:33 (479.2)

ББК 66+65

Д 441

Д 441

Диаспора, нефть и розы. Чем живут страны Южного Кавказа. - Ереван, Фонд Генриха Бёлля и Кавказский институт СМИ, 2005. - 214 с.

Издание представляет собой русскую версию сборника статей о внутривосточном развитии стран Южного Кавказа, опубликованного в Германии в 2005 году Фондом Генриха Бёлля. Русское издание подготовлено совместными усилиями представительства Фонда Генриха Бёлля на Кавказе и Кавказского института СМИ. Авторы статей - ученые из Азербайджана, Армении и Грузии. Среди тем сборника - безопасность, выборы, СМИ, нациестроительство, экономика, коррупция, гендерные проблемы.

Редакторы Ивлиан Хаиндрава, Александр Искандарян

Художественный редактор Нина Искандарян

Дизайн обложки студии Matit www.matit.am

Макет студии "Коллаж"

Фото на обложке: студия Patker

ББК 66+65

Diaspora, Oil and Roses. What makes the countries of the South Caucasus tick. - Yerevan, Heinrich Böll Stiftung and Caucasus Media Institute, 2005. - 214 p.

Editors Ivlian Haindrava, Alexander Iskandaryan

Literary editor Nina Iskandarian

Cover design by Matit www.matit.am

Layout by Collage Ltd.

Cover photo by Patker

ISBN 99930-78-74-3

© Фонд Г. Бёлля, КИСМИ, 2005

© 2005 Heinrich Böll Stiftung and Caucasus Media Institute

Немецкое издание: *Diaspora, Öl und Rosen. Zur innenpolitischen Entwicklung in Armenien, Aserbaidschan und Georgien.* Heinrich-Böll-Stiftung, 2005. ISBN: 3-927760-48-X.

Александр Искандарян

ВЫБОР АРМЕНИИ

Демократию ли выбрало население Армении в ходе строительства государства?

Разговор о демократическом выборе Армении приходится вести в контексте, который хотя и стал уже привычным для дискурса о постсоветском развитии, но с точки зрения здравого смысла все же выглядит почти фантастическим. Последние тринадцать-пятнадцать лет в Армении - как и во многих других странах - идет строительство государственных и общественных систем практически "с нуля", на руинах совершенно другой страны.

На месте советской директивной экономики, основанной на государственном производстве и распределении, с огромной долей тяжелой энергоемкой промышленности и ВПК (военно-промышленного комплекса), в Армении сложилась почти классическая экономика третьего мира. Сельское хозяйство современной Армении - это обработка земли примитивными орудиями силами мелких, преимущественно семейных хозяйств. В городской экономике огромное место занимает сфера обслуживания, приспособленная для иностранных туристов. Карабахский конфликт вынудил Армению создать и содержать огромную в масштабах страны армию, со всеми вытекающими последствиями для экономики и политики, тогда как у Советской Армении своей армии вообще не было. Наконец, республика пытается на месте побежденной тоталитарной системы, управлявшейся из внешнего центра, строить более адекватную современности модель управления.

Более того, все эти изменения происходят одновременно, в сжатые исторические сроки да ещё в условиях замороженного конфликта с Азербайджаном, приводящего, в частности, к блокаде Армении двумя из четырех её соседей - Азербайджаном и Турцией. Понятно, что период этот чрезвычайно сложен, как и всегда, видимо, когда происходит строительство национального государства да ещё при одновременной смене экономической формации.

Ключевым вопросом при этом, на мой взгляд, остается вопрос о том, что же именно выбрали армяне в ходе революции 1988-1991 г.г. Демократия ли была целью миллионов участников революции, осознан ли был этот выбор, они ли его сделали, наконец - был ли он вообще сделан, и если да, каков он был?

Действительно, куда ведет выбранный путь, насколько он осознан и продуман, и можно ли было избежать бедствий и ошибок на этом пути? Для понимания этого неплохо было бы обратиться к истории недолгого, но довольно насыщенного периода строительства Третьей Республики (так в Армении принято называть нынешнюю Республику Армению, после Армении 1918-1920 гг. и Советской Армении), становления новой политической культуры, механизмов и институтов демократического управления обществом.

Карабах

Формально Армения была всего лишь одной из пятнадцати республик бывшего СССР, добившихся независимости в результате распада СССР, но в реальности, не говоря уже об объективной разнице между республиками, проистекающей из их размеров, местоположения, состава населения, культуры народов населяющих страну, Армения и ещё одним обстоятельством отличалась от других постсоветских стран.

Это обстоятельство, в значительной мере обуславливающее очень многие особенностей внутренней и внешней политики современной Армении - карабахский конфликт. Формально являющийся для Армении внешним, фактор Карабаха - этого армянонаселенного анклава в составе Азербайджана - стал генератором армянской независимости. Кроме Армении, из постсоветских стран, пожалуй, только у Азербайджана катализатором движения к независимости выступила не "борьба с тоталитаризмом" или стремление к освобождению от имперской зависимости, а территориальный конфликт.

Другие постсоветские республики получили независимость либо случайно, в результате распада СССР, как, например, страны Центральной Азии, либо после борьбы именно за независимость от московского центра и советского правления, как страны Балтии.

Этнополитические конфликты сотрясали все постсоветское пространство, но абхазский и приднестровский, югоосетинский и чеченский конфликты были скорее реакцией национальных меньшинств бывших союзных республик на движение этих республик к независимости. Во всяком случае, генератором движения этих республик к независимости эти конфликты вряд ли можно назвать. В случае же Армении (и Азербайджана) именно карабахский конфликт явился тем катализатором, вокруг которого стали строиться идеологии национальной независимости. Борьба за территориальное воссо-

единение армян Армении и Карабаха предшествовала широкому движению за независимость, а не наоборот.

В Армении ещё с 1988 года проблема территориальная была первичной, именно её пытались решить лидеры карабахского движения - фактически первого оппозиционного властям массового движения в СССР. Вектор противостояния был направлен не по линии Ереван-Москва, а по линии Степанакерт-Ереван-Баку.

В этом смысле задачи, стоявшие перед лидерами армянской революции 1988-1991 г.г., скорее можно сравнить с задачами Бисмарка по объединению Германии во второй половине девятнадцатого века или с итальянским Рисорджименто. В этом смысле армянская революция в корне отличалась от демократических революций в Восточной Европе или даже борьбы балтийских стран с советским колониализмом. В этих терминах карабахское движение в Армении - движение скорее национально-освободительное, даже ирредентистское, чем демократическое.

Демократия

Последнее обстоятельство сказалось не только на генезисе революции, но и на её характере. Движение за воссоединение Армянской ССР с населенной армянами автономией в Азербайджане поначалу даже пыталось казаться подчеркнуто лояльным к московским властям, не посягало на советских идолов, пытаясь воспользоваться зазором между возникающими возможностями для гласности и уменьшающейся уверенностью советского государства в своих силах, и, соответственно, все меньшей готовностью пойти на массовые репрессии. Демонстранты на массовых митингах конца восьмидесятых несли плакаты: "Ленин, партия, Горбачев!". При довольно очевидном неверии в какие бы то ни было коммунистические лозунги, митинговые лидеры пытались использовать остатки уже мертвой идеологии для достижения главной цели.

Эта попытка была, конечно же, изначально обречена на провал. Сама по себе возможность выдвигать требования без санкции сверху, да ещё такими методами, как демонстрации, митинги и петиции, само по себе образование общественных организаций, отстаивание идеи референдума как инструмента политики, наконец, сама идея административно-территориальных изменений - все это ясно показывало центральной московской власти, что карабахское движение в Армении глубоко враждебно идее сохранения пусть и реформиро-

ванного, но все же, по замыслу тогдашних архитекторов перестройки, единого Союза. Таким образом, идея присоединения Карабаха к Армении, а в первые годы революции - и методы борьбы за эту идею как таковые, имели значительную демократическую составляющую.

Тогдашние митинги дали чрезвычайно важный импульс для дальнейшего развития политической системы. Миллионные многомесячные демонстрации, поражавшие своей организованностью и подчеркнутой "цивилизованностью", стали своего рода камертоном для поныне сохраняющейся в Армении культуры массовых уличных протестов, не перерастающих ни в массовые столкновения, ни в гражданскую войну (что вовсе не самоочевидно в контексте постсоветских обществ). Общество получило опыт смены власти пусть и революционными, но демократическими методами. Практически все взрослое население нынешней Армении имеет этот опыт. Видимо, не в последнюю очередь именно это позволило Армении избежать военных переворотов и гражданских войн, столь характерных для региона.

Революция и оппозиция

Армянскую революцию называли "революцией математиков". Идеологи и лидеры карабахского движения, а затем руководство независимой Армении вышли из слоя оппозиционно настроенной интеллигенции. В условиях политического кризиса именно интеллигенция сумела сыграть роль генератора сопротивления, создателя идеологий, механизмов и технологий для разрушения закостеневших структур советской власти, совершенно неприспособленных к решению проблем типа карабахской.

В развитии дальнейших событий огромную роль сыграл тот факт, что слой, породивший политическую элиту страны, был продуктом советской эпохи, побочным эффектом индустриализации и развития фундаментальной науки в СССР. Либерально настроенные революционеры, ораторы и харизматические лидеры выросли в огромных советских НИИ. Поэтому этот слой был обречен - с падением СССР не стало питавшей его почвы. Интеллигенция в одночасье обнищала, многие эмигрировали, оставшиеся в значительной мере маргинализировались. После коллапса экономики советского типа исчезла и потребность в таком количестве интеллигентов. В отличие от советской, новая экономическая система не могла себе позволить такую роскошь.

По некоей инерции, политический класс ещё долго формировался из этой среды. Однако постепенно их востребованность стала падать. Государственному аппарату все больше требовались не идеологи, а чиновники - не склонные к фронде, готовые принимать реальность, а не конструировать новую; чиновники без ораторских способностей и революционного прошлого. Человеческий материал, из которого вербуются новая элита, совершенно другой. Формирующийся в Армении коррумпировано-бюрократический режим не может не отторгать интеллигентов первого поколения политической элиты. В каждом следующем правительстве интеллигентов-революционеров первой волны было все меньше. Интеллектуалов начали заменять технократы, гораздо более адекватные складывающейся реальности новой Армении - страны с экономикой третьего мира, ведущей войну.

Политизированная интеллигенция продолжает сопротивляться процессу вытеснения её из власти. Результат интеллигентской фронды - нынешняя армянская оппозиция. Сопротивляясь, интеллигенция использует те демократические инструменты, которыми однажды с успехом воспользовалась: митинги, демонстрации, акции протеста, неприятие предложенных правил игры. Однако влияние её все уменьшается, в нынешнем парламенте представителей "старого крыла" совсем немного - около двух десятков депутатов из ста тридцати одного.

Война и экономика

Тот факт, что борьба за Карабах изначально воспринималась как цель, как осознанный выбор народа, а демократия - как метод осуществления этой цели, несомненно, наложил отпечаток на развитие будущей политической системы страны. Когда была осознана невозможность территориального объединения в рамках СССР, был взят курс на независимость, то есть была сделана попытка решить проблему другими средствами. Методами перестали быть апелляции к ЦК и стали апелляции к мировому сообществу. Риторика социалистическая превратилась в риторику демократическую. Цель же оставалась той же - территориальная ирредента.

Карабахская проблема, вопреки широко распространенному представлению, оставалась не только и не столько территориальной, или даже проблемой культурного и физического выживания части этноса; она стала центром армянской политической идентичности

как таковой, идеей государства.

Соответственно, когда развитие конфликта с неизбежностью дошло до стадии, на которой противостояние переросло в войну, методы опять сменились. Война, длившаяся более трех лет и принесящая победу армянской стороне, привела к поистине тектоническим сдвигам как в армянском социуме вообще, так и во внешней политике страны, не говоря уже о формирующейся политической системе.

Поскольку движущей силой строительства армянского государства было карабахское движение, путь к независимости и путь к войне были пройдены одновременно. Соответственно, армянское государство почти с момента его возникновения и вплоть до победы войне (то есть до 1994 г.) строилось, исходя из потребностей карабахского фронта. Армия стала одним из главных, если не главным государствозообразующим фактором.

По окончании войны из молодых людей, ушедших в начале 90-х добровольцами воевать в Карабах, сформировалась корпорация "ветеранов". Так или иначе, в войне принимала участие значительная часть мужского населения Армении, но собственно "ветеранов" в том смысле, в котором это слово употребляется здесь - скорее тысячи, чем десятки тысяч. По социальному происхождению разброс среди них довольно велик. Однако военный опыт превратил бывших боевиков в своего рода касту - людей, объединенных боевым братством, четырьмя годами окопов, совместной победой и чувством своей особости и заслуженности.

Казалось бы, ситуация для третьего мира обыкновенная. Армия, постоянно вмешивающаяся в политику, типична для стран с неразвитой демократией. Классическим примером является Турция, однако в случае Турции, да и многих африканских государств, встроенная в политику армия превратилась в некую политическую элиту. Среди военных идет тщательный отбор, существует даже особая система их воспитания и образования, культивируется специфическая корпоративная этика. В некоторых странах офицерство фактически передается по наследству, как некий род дворянства. И самое главное, доходы военных, достаточно высокие по местным стандартам, черпаются непосредственно из армии, которая, в свою очередь, паразитирует на государстве.

В Армении же, во-первых, это явление новое, и кастовая психология не вполне сложилась; во-вторых, государству не по карману кормить ветеранов Карабаха на том уровне, на который они претен-

дуют. Вместо денег армия раздает привилегии, в первую очередь - в бизнесе.

В результате в нынешней Армении различные виды бизнеса оказались в руках ветеранов, и сложилось нечто вроде системы феодальных ленов. При этом экономика остается рыночной, просто одним из факторов экономической конкуренции становится вес того или иного бизнесмена в иерархии "военного капитализма". Происходит нечто подобное российской "регионализации": в армянской провинции владелец крупного по местным масштабам предприятия (это может быть даже ресторан или небольшой завод) должен "дружить" с местными ветеранами, а лучше - быть одним из них.

Таким образом, экономическая власть становится в значительной мере функцией консенсуса между "ветеранами", де-факто исполняющими роль регуляторов экономики. В постсоветских странах такие фигуры принято называть олигархами. Причем в данном контексте речь идет в первую очередь о реальных и законных видах бизнеса, а не, скажем, об отмывании денег, торговле оружием или наркотиками. Армянская экономическая система сейчас устроена таким образом, что как только предприниматель выходит за рамки мелкого бизнеса, он обязан вступать в когорту "менеджеров-ветеранов".

Бедность и парламентская система

Одним из результатов революции, войны и блокады стало обнищание народа и страны в целом. В Армении нет существенных запасов природных ресурсов, блокада усугубляет последствия полного коллапса советской экономики, необходимость содержать мощную армию истощает и без того ограниченные экономические возможности. Экономика новой Армении формировалась почти с нуля, от самых примитивных форм хозяйствования и торговли. Бизнес развивается "снизу", от лотков и семейных предприятий.

Сама по себе бедность страны приводит к слитности бизнеса и политики. Выйдя на уровень крупного по армянским масштабам бизнеса, встроившись в систему "ветеранских" отношений, представитель новой армянской экономики оказывается в очень тесной конкурентной среде, где ресурсов мало, каналы для экспорта и импорта крайне ограничены, рынок узок. Бизнесмены вынуждены все время искать консенсус между собой, и наиболее подходящим для этого механизмом оказывается государство. Постоянный мучительный процесс дележки довольно маленького пирога, распределение

зон влияния, лицензий и доступа к ресурсам происходит непосредственно в сфере внутренней политики Армении. Таким образом, бизнесмены - будь то сами "ветераны" или их протеже - постепенно становятся важными игроками на политическом поле.

При этом сформировавшихся политических партий в Армении нет. Нынешние партии - либо довольно аморфные объединения групп социально активных людей, добивающихся своих карьерных целей, либо лоббистские структуры, либо электоральные механизмы, либо профсоюзы аппаратчиков. Отсюда и характерные для Армении размытые партийные идеологии, отсутствие реальных партийных программ, ориентация на личность, а не на конкретные задачи и пр. Партий, которые представляли бы интересы тех или иных социальных групп, будь то крестьяне или мелкие бизнесмены, пенсионеры или средний класс, в Армении ещё нет. Общество ещё не выработало той политической культуры, в которой осознается сама необходимость представительства такого рода интересов в законодательном собрании.

В результате на политическом поле действуют не партии, а элитные группы, в первую очередь - бизнес-группы, и законодательное собрание постепенно становится полем для представительства экономических интересов. На последних выборах в 2003 г. в парламент прошло множество бизнесменов. Теперь, как и во многих странах мира, баталии в армянском парламенте происходят не между сторонниками либерализма или христианской демократии, социальной или рыночной экономики, а между импортерами бензина или комбикормов, "ереванским" или "карабахским" лобби, "торговым" или "сигаретным" капиталами.

Немногочисленные оппозиционеры ещё остаются в парламенте, но реального влияния на процесс "дележки пирога" оказывать не могут. Соответственно, они фактически вытеснены из политической жизни и, по меткому выражению одного из армянских политологов, играют в нем роль библейских пророков, призывая политиков к тому, чтоб те "не убивали", "не крали" и "не прелюбодействовали".

Ориентация

Карабах и поныне остается важнейшим фактором в политической жизни Армении. Армянская политическая (и не только политическая) модель фактически двуцентрична, то есть реальных центров принятия решений два: Ереван и Степанакерт. В вопросах, касаю-

щихся собственно статуса и будущего Нагорного Карабаха, Армения вынуждена считаться с собственно карабахским руководством, при том, что почти во всех остальных сферах жизни Карабах полностью зависит от Еревана.

В самом же Ереване действует нечто вроде "карабахского лобби". Речь не идет об "этническом" представительстве - в карабахском лобби есть и армяне из Армении, представляющие в Ереване интересы Карабаха. Естественно, структуры эти не оформлены, от чего их влияние не становится меньше. Особенно отчетливо это проявляется в сфере внешней политики. Проблемы, связанные с Карабахом - ведение переговоров об урегулировании карабахского конфликта, отношения с Азербайджаном и так далее - образуют отдельный, очень весомый сектор армянской внешней политики. И карабахское лобби, и "ветераны" представляют в этом секторе "консервативную" тенденцию. Нынешний статус-кво их вполне устраивает (во всяком случае, на серьезные уступки они не готовы). Ситуация "замороженного навеки" конфликта представляется им достаточно стабильной, сохраняется уверенность в боеспособности армии и, следовательно, в достаточной военной защищенности. Соответственно, целью этих сил является консервация нынешних реалий.

Это, в свою очередь приводит и к отставанию приоритетности отношений с Россией во внешней политике. Наличие конкретной конфигурации карабахского конфликта, существование ирано-турецкого соперничества, наконец - то место, которое в регионе занимает Россия, практически не оставляют Армении свободы выбора - во всяком случае, до тех пор, пока не изменится ситуация в регионе. Изменения же если и могут происходить, то очень медленно, и всякое внешнее давление, особенно в карабахском вопросе, лишь усиливает сопротивление сложившейся политической системы.

Ротация

Тем не менее, создающуюся систему нельзя назвать полностью авторитарной. Общим итогом процесса могла стать только коалиция. Коалиция представителей торгового и производственного капиталов, региональных князьков и государственных служащих, многочисленных лобби экспортеров и импортеров. Президентская власть - лишь часть этой системы. Не имея возможности приказывать, власть должна договариваться. Парламент и правительство в такой системе просто обречены быть коалиционными.

Сами же представители различных бизнес-групп в парламенте перманентно вступают в союзы и расходятся, борются за влияние и переходят из одного лагеря в другой. Извне это не очень заметно. Система сравнительно устойчива, поскольку в парламенте совсем немного депутатов-оппозиционеров, не признающих саму её легитимность. Конечно, элементы неустойчивости в политической системе остаются, и сохраняются до тех пор, пока политика будет оставаться почти исключительно делом элитных групп, а более широкие массы будут включаться в нее практически только во время выборов - своего рода стихийного бедствия.

Если не произойдет резких сбоев, то можно ожидать, что политическая система будет развиваться в направлении такой модели, при которой парламентарии представляют интересы социальных групп. По сравнению с полным авторитаризмом, нынешняя ситуация, когда в парламенте представлен крупный бизнес, все же несет в себе зачатки представительства неких групп населения, просто очень узких. Владелец крупного предприятия вполне способен мобилизовать для голосования, скажем, работников своего предприятия и членов их семей, ибо последние понимают, что смена власти может привести к смене хозяина, и соответственно связана с риском потери работы. Но и не более того; социальную группу эти бизнесмены вывести на улицы или к урнам для голосования не могут.

Следуя логике процесса, в условиях продолжающегося экономического роста представленные в парламенте группы будут расширяться, более широкие круги населения будут осознавать общность интересов и объединяться для их лоббирования. Другое дело, что этот процесс займет много времени и может быть нарушен под действием внешних факторов. Для успешного развития потребуются длительный период взросления бизнеса, выход его из состояния корпоративности параллельно со становлением элементов гражданского общества.

Очень важен тот факт, что поколение "ветеранов" рано или поздно уйдет в прошлое. Поскольку война закончилась десять лет назад, каста "ветеранов" более не пополняется свежими силами с боевым прошлым и постепенно превращается в обыкновенное сообщество бизнесменов. Критерием принадлежности к бизнесу перестают быть боевые заслуги и становится способность добиваться успеха в складывающейся экономической реальности.

Чем дальше в прошлое уходит война, тем больше надежд можно возлагать на экономическое развитие, появление среднего класса и

упрочение государства как такового. Пока же сцепка "чиновник - законодатель - предприниматель" создает ситуацию бифуркационного застоя, почти классический вариант "шумпетерианской демократии", когда власть может устойчиво воспроизводить себя, не прибегая к массовым репрессиям, однако это - не власть народа, а власть политиков, но на условиях свободной конкуренции. Когда группы, участвующие в управлении государством и обществом, расширятся настолько, что смогут представлять интересы всех слоев населения, тогда и можно будет сказать, что выбор сделан в пользу демократии.